

TARTU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIHIK 898 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893. г

THE AESTHETIC POSITIONS
AND CREATIVE METHOD OF THE WRITER

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ
И ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД ПИСАТЕЛЯ

Works on Romance-Germanic Philology
Труды по романс-германской филологии

TARTU 1990

МАДАМ ДЕ СТАЛЬ О ЖАНРЕ КОМЕДИИ (О национальном облике комического)

Лариса Вольперт
Тартуский университет

Эстетические взгляды мадам де Сталь изучены основательно [1]. Однако ее концепция "национального" по отношению к жанру комедии не привлекала внимание исследователей. Между тем она была одним из первых европейских теоретиков искусства, стремившихся преодолеть космополитизм поэтики классицистов (Аристотель, Гораций, Буало) по отношению к жанру комедии. В ее глубоко новаторской работе "О литературе, рассматриваемой в связи с общественными установлениями" ("De la littérature considérée dans ses rapports avec les institutions sociales", 1800), идеи которой будут в дальнейшем развиты в ее книге "О Германии" ("De l'Allemagne", 1809), предлагалась оригинальная концепция понятия чувства юмора как национальной категории. Связывая специфику чувства юмора каждого народа с особенностями национального характера, она определяет этот последний не мистическим "народным духом" (теория "корней" немецких романтиков), а вполне конкретными географическими, историческими и социальными факторами: "Что такое национальный характер, как не результат учреждений и обстоятельств, которые воздействуют на судьбу народа, на его интересы и привычки?" [2].

Специфику понимания категории "комического" разными народами де Сталь связывает со своей концепцией "северных" и "южных" культур. Являясь наследницей Монтескье, она, однако, избегает вульгарно-материалистической аргументации автора "Духа законов", для нее важнее не реальная, но духовная пища, воздействие климата и пейзажей на психику народа. Обилие солнца, яркие пейзажи формируют жизнерадостное мироощущение южан, их большую склонность к веселью, сумрачные пейзажи заставляют северян устремляться к меланхолии, уменьшают склонность к развлечениям. Но де Сталь не рассматривает понятия "северной" и "южной" культур как раз навсегда данные и неподвижные; в связи с этим и национальный характер не остается для нее величиной постоянной, он меняется под влиянием исторических обстоятельств: "Национальный

дух зависит преимущественно от религии и закона" (с. 242). Поэтому и чувство юмора, одно из проявлений национального характера, она также рассматривает диалектически, как подвижное и меняющееся в зависимости от условий материальной и духовной жизни народа. Отражением изменчивости национального характера становится для нее литература, самые различные жанры, в первую очередь таким зеркалом становится роман, но и комедия может быть рассмотрена, на ее взгляд, под этим углом зрения. Каждый народ шутит "по-своему", острит "по-своему", воспринимает комическое "по-своему", и лучшими выразителями своеобразия чувства юмора каждой нации, на взгляд де Сталь, являются писатели: "Литераторы разных стран шутят по-разному, и ничто так не помогает понять нравы нации, как излюбленные шутки ее писателей" (с. 206).

Ее концепция "комического" и "комедии" — своеобразный синтез классицистических понятий и новаторских воззрений романтиков. Универсализм понятий "вкуса" и "меры" сближает ее с классицистами. В оценке каждой конкретной шутки, на ее взгляд, необходимо руководствоваться правилами вкуса, характерными для всех цивилизованных народов: "... хотя автору комического произведения одобрение соотечественников важнее, чем сочинителю философского трактата, шутки, как и все прочие плоды ума человеческого, должны удовлетворять всеобщим правилам вкуса, верным для всех наций" (с. 206). При этом успех комического гения она, вслед за Гольдони и Вольтером, связывает с проблемой рецепции, уровнем эстетической воспитанности нации: "Умно пошутить может всякий остро слов, но для создания настоящей комедии необходимы гений одного человека и вкус многих" (курсив мой. — Л.В.) (с. 206).

Свои взгляды на комедию де Сталь демонстрирует на сопоставительном анализе английского и французского варианта этого жанра. Утверждение принципа национальной самобытности сближает ее теорию со взглядами романтиков на комедию, в частности, с теорией Августа Шлегеля. Однако, в отличие от последнего, она связывает специфику английской и французской комедии во многом с особенностями общественной жизни этих стран. Так же как причину создания реалистического позитивного романа именно в Англии она объясняет состоянием общественной жизни в стране, уровнем свободы, духом трезвости англичан, де Сталь мотивирует и своеобразие английской комедии: "В большинстве своем англичане — люди практичные, деловые и ищут удовольствия лишь для того, чтобы отдохнуть от дел; и вот, как человек усталый и голодный рад любому кушанью, человек, долго и напряженно трудившийся, согласен на любое развлечение" (с. 207). При всей прямолинейности наблюдения, оно

ценно новаторским стремлением связать особенности английского комического театра с потребностями зрителя. Такой подход впоследствии разовьет Стендаль в трактате "Расин и Шеспир" и И. Тэн в "Истории английской литературы".

Противопоставляя утонченность юмора французов грубоватой примитивности смеховой культуры англичан, де Сталь ищет объяснение этому феномену в особенностях склада жизни британцев. Давящий пуританизм, удушающий всякое истинное веселье, строгость нравственных правил семейной жизни, на ее взгляд, почти сводят на нет шанс появления в английской литературе истинно остроумной комедии: "Жизни в четырех стенах, суровость религии, преданность солидным занятиям, унылый климат нередко поселяют в сердцах англичан скуку, и именно по этой причине ум их не удовлетворяется развлечениями утонченными" (с. 207).

Вслед за Гольдони и Вольтером высшим достижением жанра комедии она считает комедию характеров и пытается прояснить условия, необходимые комическому гению для изучения характеров. И эта возможность поставлена ею в зависимость от общественной жизни: по ее мнению, изучать характеры можно только в обществе, где есть оживленная светская жизнь, широкое общение, культура светской беседы. "Чтобы развить свой комический гений, сочинитель должен много бывать в свете, добиваться светских успехов и узнать как на собственном, так и на чужом опыте, что такое тщеславие, с его бесчисленными смехотворными уловками и потребностями" (с. 207), — пишет она. Тот факт, что англичане живут замкнуто, лишены возможности узнавать разнообразные характеры, — одна из причин, на ее взгляд, отсутствия у них комедии характеров. Она убеждена, что именно светское общение, требующее такта, остремия, умения поддерживать верный тон, — лучшая школа для комического гения: "Посредника между семьей и обществом, именуемым светом, у них, пожалуй, нет вовсе, а ведь, что ни говори, именно в этом легкомысленном кругу воспитываются тонкость и вкус" (с. 207).

По де Сталь, комедия характеров может возникнуть только при условии постижения комедиографом именно специфики национального характера. Она находит два объяснения тому факту, что в Англии комический поэт не стремится раскрыть национальный характер: прежде всего неправильно понятая гордость (они, подобно римлянам, не желают выставлять на посмеище собственные нравы) и второе — щепетильность в изображении мира семьи ("глубоко чтя чувства, служащие залогом семейного счастья, они не желают выставлять их напоказ на театре") (с. 208). Успех жанра комедии она вообще ставит в зависимость от умения смеяться над собой, французы, по ее мнению,

вполне обладают этим качеством, "они охотно смеются над собой" (с. 208), делают это со вкусом и талантом, а англичане, на ее взгляд, не любят и не умеют смеяться над собой. Утверждая, что для зрительского восприятия важно ощущение грани между грубым смехом, столь любимым чернью, и тонким юмором, де Сталь уверяет, что англичане умеют извлекать комический эффект лишь из преувеличений, нисколько не заботясь о правдоподобии ситуаций и характеров.

В оценке английской комедии де Сталь явно не объективна, пристрастна и оказывается в затруднительном положении: она же не может не признать обаяния комедии Шекспира и редкого, блистательного таланта Шеридана. Однако комический театр Шекспира она обходит молчанием, ее интересуют только его трагедии; что же касается театра Шеридана, то она вынуждена признать, что в его пьесах "едва ли не каждая сцена блещет остроумием и оригинальностью" (с. 210). В ее глазах, феномен Шеридана — лишь исключение, подтверждающее правило. В творчестве этого комедиографа де Сталь находит подтверждение своей излюбленной мысли, что одной игрой ума, остроумными софизмами высокого комизма не добиться, нужен особый талант, искра божья: "Напрасно силятся они (комические поэты. — Л.В.) заменить этими потугами ума ту невольную легкость и гибкость, тот печальный блеск, какие приходят к поэту сами собой, по вдохновению" (с. 209). Она делает попытку раскрыть самую природу вдохновения комического гения, утверждая, что одного интеллектуализма мало, т. к. искусство смеха "естественное и загадочное, оно внятно разуму, но разум сам по себе бессилён овладеть им; тут требуется некая электрическая сила, рождаемая духом нации" (с. 209).

Для пояснения своей мысли писательница предлагает сопоставительный анализ двух манер смеха, двух типов юмора — английского и французского. По ее мнению, та меланхоличность, которая вообще свойственна "северным" народам, не оставит англичанина даже в момент создания комедии: "в веселости англичан много утрюмства и, я бы даже сказала, печалки; он смешит вас, но самому ему вовсе не смешно. Видно, что он берет за перо в мрачном расположении духа, и, хотя он намеревается вас повеселить, смех ваш едва ли не раздражает его" (с. 210).

Разница в характере английской и французской комедии во многом определена характером зрителя, его способностью к веселью, его восприимчивостью к комическому. Выступая как теоретик-новатор, де Сталь отказывается от имманентного анализа комедии и изучает триаду — зритель — комедия — зритель, раскрывая взаимозависимость трех звеньев цепочки: "У

англичан даже в шутках сквозит мизантропия, а у французов — общежительность; английские комические сочинения следует читать в одиночестве, а французские производят тем большее впечатление, чем обширнее круг слушателей. Английская веселость почти всегда заключает в себе философский и нравственный урок; французская, как правило, не имеет иной цели, кроме самого веселья” (с. 210). Справедливо полагая, что всякий дидактизм противопоставлен веселью, прямая мораль убивает смех, она не различает разные типы комедии, сосредоточивает внимание лишь на театре Конгрива, что приводит к несколько искаженному представлению. Справедливости ради заметим, что в жанре романа она признает за англичанами полное владение смехом: “Полное представление об английском юморе дают сочинения Филлинга и Свифта, романы о Перегрине Пикле и Родрике Рандоме, а особенно произведения Стерна” (с. 210).

Де Сталь ставит чувство юмора в зависимость от практического трезвого сознания нации, последнее свойственно англичанам и отсутствует у французов. Истинное остроумие, на ее взгляд, — искусство оцущенной промежуточной детали, которую требуется восстановить самому, а англичане стремятся непременно все до детали разъяснить: “они убеждены, что их услышат, только если они будут кричать во все горло, и поймут, только если они выскажут все до конца” (с. 211).

Французский национальный характер де Сталь изучает в связи с политической историей Франции и в какой-то мере ставит в зависимость от нее чувство юмора французов. В главе с примечательным названием “Почему французская нация превосходит изяществом, веселостью и безупречностью вкуса все остальные нации” светскость и общительность французского дворянства она объясняет спецификой его положения при дворе: щепетильное чувство чести, выгодно отличавшее привилегированное сословие, заставляло дворян скрывать свою покорнейшую преданность королю под маской независимости” (с. 244).

Писательница предлагает своеобразный взгляд на французский абсолютизм, анализируя эту форму правления с неожиданной стороны: воздействие на выработку утонченности и изящества в отношениях между людьми. Она раскрывает сложность положения придворных, которые стремились сохранить в отношениях с повелителем рыцарский дух: “... поработанные, но не теряющие достоинства, они старались гнуть шею, но не подличать. В их положении изящество было, можно сказать, насильственной мерой; только оно помогало выдать вынужденную покорность за добровольную” (с. 245).

Рассматривая взаимоотношения короля и придворных с другой точки зрения, чем ее учитель Монтескье (тот исследовал

“чувство чести” дворянина), она старается показать, сколько осторожности и такта требовалось от обеих сторон: “король обязан был уважать некоторые неписанные права и пренебрегать другими, писанными” (с. 245). Сочетание деспотизма и свободы во французском способе правления было, на ее взгляд, сложным и утонченным и вырабатывало не просто этикетное поведение, а особого рода виртуозность реакции: “Когда правительство действует достаточно умеренно, чтобы подданные могли не опасаться жестокостей, и достаточно самовластно, чтобы все должности и блага распределялись исключительно по его прихоти, все, кто претендует на какие-либо знаки отличия, должны сохранять достаточное присутствие духа, чтобы вести себя любезно, и выказывать достаточную ловкость, чтобы их легкомысленное обаяние приносило нешуточные плоды” (с. 245).

Но де Сталь, эту гибкость в обращении, изящество, остроумие и такт должны были усвоить и французские писатели, так как литература — конденсатор нравов, потому они “понимали и рисовали человеческие характеры лучше, чем литераторы любой другой нации” (с. 247). Французские комедиографы XVII в. должны были обладать изяществом мысли и слога, а также остроумием и чувством юмора, в их творчестве конденсировались лучшие достижения смеховой культуры французов: “чистый слог и безупречный вкус сохраняются лишь стараниями узкого круга выдающихся людей, получивших блестящее воспитание либо одаренных блестящими талантами” (с. 248).

Таким образом, хотя мадам де Сталь и несколько схематизирует, подчиняя свои взгляды на комедию излюбленной мысли о связи литературы с общественными установлениями, однако значение нового подхода велико и конструктивно, он станет важным импульсом в изучении национального характера литературы в дальнейшем для Стендаля, Сент-Бёва, И. Тэна.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Госпожа Сталь, мыслитель переходной эпохи. Спб., 1902; Николюкин А. Литературные взгляды де Сталь в ее ранних произведениях // Научные труды высших учебных заведений Лиг. ССР. — Вильнюс, 1963. — Литература. V; Заборов П.Р. Жермена де Сталь и русская литература первой трети XIX в. // Ранние романтические веяния. — Л., 1972; Sorel A. Madame de Staël. — Paris. 1980; Longchamps F. Les œuvres imprimées de Madame de Staël. — Genève, 1949.

2. Жермена де Сталь. О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями. — М., 1989. — С. 242. / Перевод В.А. Мильчиной (В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы).

MADAME DE STAËL SUR LE GENRE DE LA COMÉDIE
(L'aspect national du comique)

L. Volpert

Résumé

L'analyse de la liaison entre les catégories du "comique" et du "national" par rapport à la comédie, fait par M-me de Staël dans son livre "De la littérature" aide à restituer le caractère national des belles lettres anglaises et françaises. Sa conception des littératures de Midi et de Nord contribue à montrer le reflet dans le genre comique des traits spécifiques des mœurs et de l'humour des Français et des Anglais.